

УДК 7.03; 7:001.12.

Филиппова Ольга Николаевна,
Педагог-психолог, Ассоциация искусствоведов,
г. Москва

ХУДОЖНИК С ДЕТСКОЙ УЛЫБКОЙ (О ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА СОМОВА)

Аннотация. Все, кто близко знал Сомова, вспоминали не только о его строгости к себе и к другим, но и его улыбке, «от которой радостно становилось на душе».

Ключевые слова. К.А. Сомов, творчество, художник с детской улыбкой, строгость к себе и к другим, улыбка, К.П. Брюллов, П.А. Федотов, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа.

Семья, в которой появился на свет мальчик Костя, в будущем один из самых замечательных и оригинальных русских художников, была незаурядной. Глава семейства, Андрей Иванович Сомов, служителем хранителем коллекций Эрмитажа. Он изучал творчество Брюллова и Федотова, собирал их работы и о каждой из них мог рассказывать часами. Друг нашего героя Александр Николаевич, а в те приснопамятные годы - просто Саша Бенуа и спустя много лет вспоминал рассказы Андрея Ивановича, говоря, что благодаря им «прошлое русской художественной жизни восставало перед воображением с необыкновенной живостью». О матери же «Кости Сомова», талантливой и тонкой музыкантше, все тот же Бенуа отзывался так: «Сама простота, сама ласка, само гостеприимство, сама искренность». Учитывая и то, что семья Сомовых никогда не знала серьезных материальных затруднений, можно с полным основанием считать детство будущего художника вполне счастливым. Он ездил с родителями за границу, - первая подобная поездка, в Париж, состоялась, когда Сомову не было еще и девяти лет (он родился в 1869 году, 18 ноября по старому стилю), учился в престижной гимназии Карла Мая, выгодно, отличавшейся от прочих петербургских учебных заведений отсутствием казенного духа. В отрочестве его настигло увлечение театром, благодаря которому он сблизился с Александром Бенуа, своим однокашником. А на пороге юности - влюбленность в живопись. В 1888 году Константин Сомов покинул гимназию и поступил в Академию Художеств, что не вызвало у его родителей ничего, кроме одобрения - со стороны отца даже немного слишком бурного. Андрей Иванович вообще «обожал» своих детей, а Костю прямо называл «гением», чем немало смущал его, деликатного, застенчивого и до крайности неуверенного в своих способностях. Специально для своего любимца «старик Сомов» выстроил над квартирой мастерскую, имевшую большое окно с полуверхним светом. К сожалению, эта мастерская практически «не поддавалась обогреву», поэтому пользоваться ею можно было только в теплое время года, которое Сомовы обыкновенно проводили за городом. Окончив в 1897 году Академию художеств, Константин Сомов «отбыл» в Париж, где к этому времени собралась небольшая колония русских художников, состоявшая из уже знакомого нам Александра Бенуа, Евгения Лансере и Леона Бакста. 7 октября отец писал ему из Петербурга: «Чего бы я не дал, чтобы сделаться снова молодым и быть на твоём месте: жить в таком центре интеллигенции и всякого научного и художественного движения, иметь подле себя такого человека, как Бенуа, с которым можно делиться мыслями и впечатлениями, видеть несчетные сокровища искусства... Поэтому я не только грущу по тебе, а сердечно радуюсь за тебя, и это тем более, что верю, что ты как малый неглупый и хорошей души, сумеешь избежать подводных камней, которыми усеяна парижская жизнь...». Мы не знаем

доподлинно, сумел ли Сомов благополучно миновать все «подводные камни». Однако, имея ввиду его «домашность», можно предполагать, что Александр Бенуа ничего не утаивает от нас, говоря, что главное увеселение молодой компании составляли поездки в Версаль и пикники на лоне природы. Весной 1898 года Сомов возвратился в Петербург. Активно работая, участвуя в художественной жизни столицы, художник не особенно стремился к житейской самостоятельности, к обособлению от семьи. Вплоть до 1909 года, когда Андрей Иванович Сомов нелепо погиб, попав на Дворцовой площади под колеса экипажа, наш герой продолжал жить вместе с родителями. Только после смерти отца он перебрался в собственное жилище, уступив просторную квартиру, где прошли его детство и юность, семье своей сестры. Будучи по природе домоседом, он старательно обустроивал свои апартаменты, приобретая старинную мебель и фарфоровые статуэтки, которых он был страстный любитель. Однако хозяйство у него вела, по воспоминаниям Евгения Михайлова, его племянника, весьма странная особа, «схожая с ведьмой как по внешности, так и по характеру и вызывавшая недоумение, где дядя смог откопать такой курьез». Воспоминания Е. Михайлова, сына любимой сестры художника, чрезвычайно ценны для нас. Из них мы получаем представление не только о «внешней» стороне жизни Сомова, но и о «внутренней» ее стороне, обычно остающейся скрытой от глаз постороннего наблюдателя. В сущности, семья Анны Андреевны Сомовой (в замужестве Михайловой), а позже и семья самого Евгения Михайлова, заменили мастеру тот ближайший родственный круг, который составляют обыкновенно жена и дети. Но ни жены, ни детей у Сомова не было. Михайлов очень деликатно останавливается на «сложных чертах характера» своего дяди. «Эти черты, - пишет он, - заключались у К.А. в болезненной неуверенности в себе, в болезненном умалении своих способностей, замкнутости характера и в постоянном недовольстве собой, своей работой, своей жизнью и людьми. Среди людей, ему неинтересных, изменялась даже его внешность и принимала какой-то манекенный вид. Он отвечал, когда к нему обращались, старался держаться с возможной вежливостью, но чувствовалось, как ему это противно». Легок и мил был художник только в общении с родственниками и старыми друзьями. Уже после его смерти Александр Бенуа вспоминал о «детской улыбке» Сомова, о его смехе, от которого сразу становилось «необычайно радостно на душе». Близких друзей, однако, у нашего героя было очень немного - даже в самую «публичную» пору его жизни, когда он часто выставлялся и являлся одним из известнейших художников в России. В частности, помимо Бенуа, он был на дружеской ноге с Нувелем (фигурирующем в дневниках Сомова под именем «Валечки»), Яремичем, Нуроком и Добужинским. Последний говорил впоследствии о своей дружбе с Сомовым: «Мы необыкновенно скоро и душевно сошлись и Костя стал одним из самых близких и дорогих моих друзей на всю жизнь». В январе 1914 года Сомов получил звание академика. Его заслуги были официально признаны Академией художеств, где когда-то он начинал свой творческий путь. А через несколько месяцев началась Первая Мировая война. По-началу она не вызвала особенного беспокойства у Сомова. В его дневниках, относящихся к этому времени, мы практически не найдем упоминаний о войне. Только очень скупые пометы: «Позорное переименование Петербурга в Петроград», «Тупой и мелочный патриотизм интеллигентов и полуинтеллигентов», «Реймский собор разрушен». Что касается февральской революции 1917 года, то ее художник встретил с воодушевлением, как, впрочем, и большинство людей его круга: «За два дня столько событий. Николай свержен, у нас будет республика. Голова идет кругом. Я так боялся, что останется династия». На приход к власти большевиков он отозвался «односложно»: «Сегодня победа большевиков. События». Жизнь художника не слишком переменилась после 1917 года, если не считать тех «временных трудностей», с которыми в то время так или иначе столкнулись все, - голода, холода, опасности выходить из дому,

особенно в темное время суток. Он отверг предложение преподавать в преобразованной Академии художеств, не принимал участия ни в каких «новейших заведениях». Однако, об отъезде за границу в первые советские годы он и не думал. Отъезд Сомова решился помимо его собственной воли - его упростили отправиться в Америку вместе с Выставкой русского искусства. В декабре 1923 года через Москву и Ригу он выехал в Лондон, а оттуда на пароходе - в Нью-Йорк. Вне России художнику предстояло прожить еще четырнадцать лет. В его биографиях очень часто можно встретить «шаблонное» выражение: «Умер в нищете и безвестности». Это не совсем так. Нищенствовать Константину Андреевичу не приходилось. Напротив, в 1928 году он даже сумел приобрести квартиру в Париже. Но, конечно, былая слава Сомова осталась «за горами, за лесами, за глубокими морями». После его скоропостижной кончины в июне 1939 года Бенуа с горечью писал о том, что современная эмигрантская молодежь, что уже говорить о парижанах, имени Константина Сомова даже не знает.

Список литературы:

1. Художественная галерея: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО "Де Агостини". - Москва: Де Агостини, 2007. – №160. – 32 с.
2. Филиппова О.Н. Творчество К.А. Сомова (1869-1939), как одного из наиболее ярких и своеобразных русских художников конца XIX – начала XX века // Молодой вчений. – 2019. – №10(74). – С. 437-447.
3. Филиппова О.Н. П.А. Федотов – художник и поэт (1815-1852 гг.) // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XI международной научно-практической конференции 1 часть: «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). М.: Научный журнал «Chronos», 2017. С. 21-26.
4. Филиппова О.Н. Творчество Л.С. Бакста (1866-1924) – многогранного художника // Молодой вчений. – 2019. – №8 (72). – С. 188-197.
5. ФИЛИППОВА О.Н. Лев Бакст как театральный декоратор: [ФИЛИППОВА О.Н. Лев Бакст як театральный декоратор] // АРТ-платФОРМА: альманах. – Київ: КМАЕЦМ, 2021. – Вип. 1(3). – С. 371-395.
6. Филиппова О.Н. Мстислав Добужинский, как художник города // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: технологии, инновации, достижения / Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции (18 апреля 2023 г., г. Уфа) / – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2023. - С. 232-235.

